

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ (¹).

I. Первые шаги.

Экономическая борьба русских рабочих существует, как массовое явление, в течение, по крайней мере, двух десятилетий — начиная с крупных экономических стачек 90-х годов. А между тем профессиональные союзы, сколько-нибудь похожие на то, что на Западе называется профессиональным союзом, существуют у нас всего каких-нибудь 7-8 лет. Это одно из противоречий нашего русского рабочего движения.

Это противоречие жизни, если хотите, существует у нас и посейчас. Возьмите хотя бы подъем последних годов. Экономическая стачка растет неудержимо, каждый день перекидываясь из одного района в другой, захватывая все новые и новые слои рабочих. А профессиональные союзы? Соответствует ли их рост хоть в малой степени росту экономической борьбы вообще и росту экономической стачки в частности? Руководят ли наши открытые профессиональные союзы, как таковые, экономической борьбой рабочих — как это является правилом всюду на Западе?

Конечно, нет!

Профессиональные союзы, как таковые, пока лишены у нас возможности выполнять свою главную повседневную задачу: практически руководить экономической борьбой рабочих. И этим объясняется та загадка, почему наше профессиональное движение до сих пор не развилось гораздо сильнее того, что мы видим сейчас.

Если такое явление приходится наблюдать теперь, через 8 лет после «пятого» года и через 7 лет после правил 4 марта, как-никак признавших на бумаге «свободу» союзов, — то понятно, как должно было обстоять дело до 1905 года, когда всякая экономическая стачка по закону каралась как уголовное преступление. Была экономическая борьба, но не было профессиональных союзов — так можно формулировать тогдашнее положение вещей.

• Однако, если экономическая борьба была, а союзов не было, то кто же руководил этой борьбой? Руководили в большинстве случаев социал-демократические кружки — по крайней мере с тех пор, как эти кружки появились на свет. Разделение труда при

первых шагах рабочего движения в России было невозможно. В течение ряда лет экономическая агитация и вообще экономическая деятельность была преобладающей и даже почти исключительной среди с.-д. кружков. Но и позднее, когда политическая агитация стала общепризнанной задачей, руководство экономической борьбой все же оставалось еще одной из функций тех же местных обще-социалдемократических центров. Организованность движения еще не настолько выросла, чтобы стало возможным сознательное и планомерное разделение труда между профессиональными союзами и политической организацией.

На тогдашние взгляды русских марксистов, на первые резолюции их о профессиональном движении наложила неизгладимую печать указанная первая стадия движения. Такова резолюция II съезда российских марксистов в 1903 г., таковы взгляды отдельных русских ортодоксов марксизма в то время ⁽²⁾.

Вопрос о нейтрализме профессиональных союзов, вопрос о взаимоотношениях между союзами и партией, как живая проблема, как назревший вопрос жизни, — не мог тогда стоять перед русскими марксистами по той простой причине, что никаких профессиональных союзов — по крайней мере, в коренной России — еще почти не было.

Разделение труда между партией и профессиональными союзами не означает, что партия должна заниматься только «политикой», а союзы только «экономикой». Связь между экономикой и политикой неразрывна. Штуттгартский международный социалистический конгресс был тысячу раз прав, когда указал, что союз только преимущественно (а не исключительно) занимается экономической борьбой, а партия — преимущественно политической. Но, тем не менее, разделение труда между партией и союзами необходимо. Весь опыт международного движения подтверждает это каждый день.

Такое разделение труда началось и у нас в России с 1905 — 1906 годов. И лишь тогда, когда этот процесс зашел уже достаточно далеко, лишь тогда, когда профессиональное движение стало значительной величиной, — перед деятелями русского рабочего движения мог стать уже практически и серьезно вопрос о «нейтральности» союзов и вообще об отношении союзов к партии.

Русское профессиональное движение вскормлено и вспоено русской социал-демократией. Марксисты больше всех работали над созданием наших профессиональных союзов. Были немногие

попытки со стороны либералов принять участие в рабочем профессиональном движении. Делали такие попытки и народники, будущие «народные социалисты», — участвовать в профессиональных союзах. Но все это не оставило серьезных следов. У колыбели нашего рабочего профессионального движения стояли марксисты. И марксизм наложил на него неизгладимую печать.

То, что называют «персональной унией», было у нас с самого начала, т.-е. деятелями профессионального движения были в то же время деятели с.-д., в одном лице сочетался и с.-д. и профессионалист. Но одно это далеко не всегда гарантирует безболезненное развитие и тесную связь союзов с партией. На известной стадии развития, при известных обстоятельствах, тем не менее наблюдается у части профессионалистов стремление отгородиться от партии, выступить особой «державой», иногда даже — вступить в соревнование с партией.

Считалось чем-то само собой разумеющимся, что социал-демократия будет энергично участвовать в экономической борьбе рабочих, что экономика будет тесно связана с политикой. Но вместе с тем еще в совершенно туманных очертаниях рисовалось, какие организационные отношения будут созданы между грядущими профессиональными союзами и политической организацией. Отсюда и то, что некоторые ортодоксальные марксисты России в то время терпимо относились даже к нейтрализму. Неясность их взглядов в этом вопросе лишь отражала тогдашнюю нерасчлененность движения, первоначальную стадию его...

Но движение постепенно разрасталось и усложнялось. Разделение труда становилось все более необходимым. Практическое повседневное руководство экономическими конфликтами должно было начать отходить к специальным экономическим организациям — профессиональным союзам. Не в том дело, чтобы социал-демократия должна была стать только партией парламентских выборов и отстраниться совсем от экономики. Такой взгляд на социал-демократию ничего общего с марксизмом не имеет. Социал-демократия не может не интересоваться и повседневной экономической борьбой рабочих. В ее политической агитации крупнейшую роль играют экономические мотивы. Во всей ее деятельности «экономике» принадлежит первенствующее место. Социал-демократия охватывает все формы рабочего движения и рабочей борьбы. Правда, некоторые специальные функции отходят к специальным организациям. Таковы профессиональные союзы, коопе-

ративы, образовательные общества, союзы молодежи, рабочие клубы и т. п. Но все эти органы должны быть окрашены в цвет социал-демократии. Всем им социал-демократия сообщает социалистическую душу. Все они должны не только обслуживать отдельные стороны движения, но и помогать бороться за конечную цель. Все эти органы одинаково необходимы рабочему классу, но высшим выражением всего рабочего движения в целом является именно социал-демократия в целом...

В Германии, например, личная уния была с самого начала. А когда пал исключительный закон против социалистов, и союзы добились первых крупных успехов и значительного роста, — среди части профессионалистов началось движение в пользу лозунга: подалеже от партии.

На Кельнском съезде германской с.-д. партии в 1893 году такой умеренный с.-д., как Ауэр, считавший своим долгом самым резким образом выступить против такой тенденции среди вожаков профессионального движения, которые, между прочим, тоже принадлежали к с.-д. партии.

На этом съезде Легин, уже и тогда вождь германских союзов, опубликовал официальное письмо к нему Ауэра, писавшего от имени партийного правления:

— «Раньше наши профессиональные союзы чувствовали себя самостоятельной частью, по все-таки частью всего организованного и сознательного рабочего движения. Они были тем же, чем, скажем, является артиллерия по отношению ко всей армии, т.-е. — специальным родом оружия. Теперь же замечается стремление оторвать союзы от политической партии и рассматривать союзы и партию как две организации, соревнующиеся между собой. Я считаю это стремление вредным и губительным для всего германского рабочего движения» *).

Такое губительное течение, как мы увидим в следующих статьях, появилось через некоторое время и у нас в России. Притом тяжелые условия внешнего существования политической организации марксистов у нас сделали это течение еще более губительным. А роль, которую играла тут оппортунистическая интеллигенция, осложнила дело вдвойне. Но это уже вторая ступень движения. Когда нарождалось наше профессиональное дви-

*) С. Н. Прокопович. «Союзы рабочих и их задачи». Спб. 1905 г., стр. 25.

жение, — нейтрализма, как определенного оппортунистического течения, еще не было.

Конечно, были и тогда отдельные писатели, отстаивавшие такой нейтрализм. Так, г. Прокопович уже в 1905 г. провозглашал:

— «Профессиональные союзы рабочих должны быть в партийном отношении нейтральными... им должна быть чужда партийная полемика... они должны заниматься только политикой голых интересов».

Этот голос Прокоповича все оценивали как голос либерала, перепевающего ревизионистскую мудрость. Внутри же марксистов даже правое крыло определенно нейтрализма не отстаивало. Достаточно, например, указать, что на «1-й всероссийской конференции» марксистов правого крыла, состоявшейся в первой половине 1905 года, принята была резолюция о профессиональных союзах, весьма далекая от принципиального нейтрализма. Казалось, чаша ревизионистского нейтрализма минует нас. Можно было надеяться, что по этому вопросу больших разногласий не последует. Оказалось не так, 1906 и 1907 годы принесли коренные расхождения и в этом вопросе.

II. 1906 — 1907 годы.

К концу 1905 года профессиональное движение в России начинает расцветать пышным цветком. Это пока еще «не настоящие» профессиональные союзы, т.-е. не прочные, строго оформленные организации.

Массы пришли в движение. Получив возможность организовываться, рабочие наперебой устремились и в профессиональные организации. Воодушевление было огромно. В учебных заведениях Петербурга (и Москвы), гостеприимно открывших свои двери рабочему классу, непрерывно происходили собрания рабочих различных профессий. На этих бурных собраниях и закладывалось основание профессиональным союзам. Сотнями и тысячами рабочие тут же записывались в члены союзов. Там, где вчера еще не было никакой профессиональной организации, сегодня появлялся союз с тысячами членов. Союзы росли в огне событий. Хотя прочной организации на первых порах еще не могло быть, самая основа создававшихся союзов была здоровой. Над ними веял живой и бодрый дух. Главными ораторами и организаторами

этих собраний и союзов были социал-демократы. Правления выбираются из рабочих с.-д. Поэтому с самого начала связь между профессиональными союзами и социал-демократией устанавливается сама собой.

Профессиональное движение развивается. К началу 1906 г. оно больше оформляется и сплочивается, и все время среди союзов господствует дух социал-демократии. Между прочим, чрезвычайно характерны были уставы тогдашних профессиональных союзов. В свои уставы, в той их части, где говорилось о целях и задачах союза, профессиональные союзы неизменно вписывали всю программу-минимум социал-демократии и подчеркивали, что они стоят на почве борьбы за социализм. Это стало традицией, которой никто не оспаривал. И в этом, разумеется, была опять-таки здоровая сторона движения.

Ни о какой действительной «нейтральности» союзов при таком положении вещей, разумеется, не могло быть и речи. Наши будущие нейтраллисты, подчиняясь общему настроению, тогда даже не поднимали этого вопроса. И лишь последовавшая эпоха контр-революции вдохновила одного из видных деятелей правого крыла нашего профессионального движения, тов. К. Дмитриева, объявить программные заявления и уставы союзов от 1905 — 1906 годов «общими и трафаретными» *).

Нейтралистская «критика» явилась значительно позднее. И шла она, конечно, главным образом, из среды «марксистской» и будто бы марксистской интеллигенции. В начале же 1906 года ее не было, или она была настолько робка, что о ней не слыхать было. Подлинными массовыми рабочими союзами шла рука об руку с рабочей партией. Связи вырабатывались самые тесные. «К весне 1906 г., — пишет другой видный деятель нашего профессионального движения (марксистского крыла его) Н. Рязанов, — мы ни среди большевиков, ни среди меньшевиков не встречаем защитников нейтральности, которая становится лозунгом кадетов и социалистов-революционеров». Это свидетельство непосредственного участника профессионального движения данной эпохи чрезвычайно ценно. Оно объясняет нам, каким образом стало возможно единогласное решение рабочей партии по вопросу о профессиональных союзах весной 1906 года в Стокгольме ⁽³⁾.

*) См. К. Дмитриев. «Профессиональное движение и союзы в России». СПб. 1909 г., стр. 28.

Решение это не было нейтралистским. И оно стало возможным именно потому, что рабочие в самих союзах отодвинули нейтрализм и защиту этого принципа предоставили в полную монопольную собственность кадетам, народникам и т. п. мало-влиятельным среди рабочих масс группам. Стокгольмский конгресс мог единогласно (при двух воздержавшихся) принять решение о профессиональных союзах только потому, что нейтрализм среди русских с.-д. не пользовался тогда сколько-нибудь серьезным влиянием.

Но верно ли это, что стокгольмское решение не было нейтралистским? Ведь впоследствии так много раз утверждалось обратное.

Для беспристрастного ответа на этот вопрос приведем здесь главные места этого решения. В свое время русские газеты напечатали его полностью. С тех пор прошло более 7 лет, и многое теперь забыто.

Вот эти главные места:

— «Экономическая борьба может вести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно-классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата (курсив везде наш).

«Профессиональные союзы в атмосфере... эпохи, помимо защиты экономических интересов рабочего класса, стягивают пролетариат в непосредственную политическую борьбу и содействуют широкой организации и политическому объединению рабочего класса.

«В этой... атмосфере рабочие массы, организуясь и политически объединяясь, все более и более становятся под знамя социал-демократии».

В виду этого признается:

— «1) Что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов;

2) что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически, в борьбе и агитации связать союзы с партией» *).

*) Напомним, что съезд в Стокгольме принял еще следующее прибавление к резолюции о профессиональных союзах: «Съезд решительно вы-

Ни один последовательный нейтралист, разумеется, не подписал бы такой резолюции. Весь дух ее не нейтралистский.

Это отнюдь не значит, чтобы мы теперь были согласны с каждым ее словом, с каждой ее формулировкой. Последующие события доказали, что эта резолюция недостаточна. Во всяком случае, резолюция, которая центральной задачей ставит «в борьбе и агитации связать союзы с партией», не может считаться последовательно-нейтралистской.

Впоследствии некоторые нейтралисты неоднократно пытались «зацепиться» за указание о необходимости «содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов». Из этого выводили, будто Стокгольм высказался за нейтральность союзов. Но об этом искажении истины К. Каутский был тысячу раз прав, когда писал:

— «Едва ли найдется хоть один серьезный противник нейтральности, который хотел бы закрыть профессиональные союзы для сторонников известных политических или религиозных воззрений... Главный вопрос при нейтрализации не в том, открыт ли профессиональный союз для всех рабочих без различия религии и партийности, а в том, должны ли они заниматься политикой или нет» *).

Выражение: «беспартийный союз», может быть, неточно и неудачно. Может быть, лучше было прямо так и выразиться: союз должен принимать всякого рабочего, но с.-д. члены его должны стараться привести союз к самым тесным отношениям с с.-д. партией. Но последовательно-нейтралистской точки зрения Стокгольмский конгресс не провел. Его резолюция не была ни большевистской, ни меньшевистской. И большевики и меньшевики сходились тогда на том, что сейчас строить партийно-оформленные союзы нельзя, но что нельзя провозглашать и нейтральность союзов, а необходимо стремиться к тому, чтобы «в борьбе и агитации связать союзы с партией».

сказывается против принципа организации профессиональных союзов по национальностям». Это прекрасное решение, принятое всеми голосами при 10 воздержавшихся, попадает не в бровь, а в глаз нашим сепаратистам, желающим строить рабочую организацию непременно по национальному признаку, т.-е. не спланивать, а разъединять рабочего еврея и рабочего поляка и т. д.

*) К. Каутский. «Нейтральность профессиональных союзов», изд. «Знание», стр. 11.

Один из самых видных вождей нашего профессионального движения был совершенно прав, когда формулировал положение в следующих словах:

— «Как бы то ни было, в весне 1906 года, когда собрался объединительный съезд (Стокгольм), в с.-д. партии не осталось ни одного приверженца нейтрализма... Признав необходимость поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и считая при данных условиях целесообразным организовать партийно-оформленные союзы, резолюция решительно отвергает принцип нейтрализма».

И только потому, что в основе своей стокгольмское решение было правильно, оно в Лондоне (в 1907 году) не было отменено, а, наоборот, в основном было подтверждено. Лондонское решение начинается словами: «Подтверждая резолюцию объединительного съезда о работе в профессиональных союзах...» и т. д.

III. Перед Лондонской резолюцией.

Если между стокгольмской и лондонской резолюциями об отношении к профессиональным союзам нет противоречия, то почему же нейтралисты, которые более или менее терпимо относятся к Стокгольму, так не переваривают Лондона? Почему стремятся они непременно построить какую-то противоположность между Стокгольмом и Лондоном?

А вот почему.

1906 — 1907 год был во многих отношениях критическим годом для оппортунистического, интеллигентского крыла русского марксизма. Начало контр-революции уже наложило свой отпечаток и вызвало колебания и шатания. И это сказалось также в вопросе о профессиональных союзах. Между тем как марксисты в этом вопросе в Лондоне сделали шаг вперед по сравнению со Стокгольмом, оппортунисты в это же время сделали шаг назад от Стокгольма. В результате и получилось, что расстояние между сторонниками и противниками нейтрализма увеличилось в двое. И так как стокгольмская резолюция, как писанная в более ранний период движения и при менее резко очерченных разногласиях, облечена в более общую формулировку, то при помощи кривотолков ее и пытаются «разъяснить» в «нейтралистском» духе.

В 1906 — 1907 годах уже вполне наметились те тенденции

в правом крыле социал-демократии, которые впоследствии стали роковыми и привели его к ликвидаторству. Мы говорим о пренебрежительном отношении к «подполью» и о попытках апеллировать от «узкой» партии к проблематической «широкой рабочей партии» (идея «рабочего съезда» и т. п.).

Естественно, что кто относится отрицательно к «подполью» вообще, тот, конечно, не склонен будет связывать союзы с этой «подпольной» партией. Когда марксисты заговорили о связи союзов с рабочей партией, им всегда возражали, что нельзя же открытые союзы связывать с «подпольем».

Уже на Лондонском конгрессе ликвидаторское отношение к «подполью» начало намечаться ясно. В 1908 году Л. Мартов на единогласную резолюцию марксистов против нейтральности и за необходимость тесной связи союзов с партией возражал, между прочим, тем же указанием, что нельзя открытых союзов связывать с подпольной партией. Да еще совсем недавно сотрудник ликвидаторских изданий Г. Батурский в № 4 «Металлиста» за 1913 год писал, спасая нейтралистские позиции:

— «Они (профессиональные союзы) умеют в достаточной степени ценить свое легальное существование и прекрасно знают, что такое подполье для массовой организации, каковой является союз».

Конечно, и марксисты очень хорошо понимали, какие трудности вытекают из «подпольного» существования партии. Но в то время как они искали обхода внешних препятствий, принципиальные противники «подполья» делали из внешних трудностей лишней довод за принципиальный нейтрализм.

Вот откуда произошло то, что постепенно правое крыло стало отходить от стокгольмского решения, «разъяснять» его в нейтралистском духе. И чем большей враждой к подполью проникалась некоторая часть оппортунистов, тем больше она старалась отдалить союзы от «подпольной» партии, пойти назад от Стокгольма.

Такая тенденция среди оппортунистов, между прочим, и заставила марксистов в Лондоне требовать более категорического, не поддающегося никаким недобросовестным «разъяснениям», выступления против нейтрализма.

Отрицательное отношение к «подполью» всегда связывалось у наших оппортунистов с пресвознесением открытых беспартийных организаций. От партии не к кому было апеллировать, кроме

как к беспартийным организациям. Идея знаменитого «рабочего съезда» у главных ее истолкователей, русских практиков (Ларин⁽⁴⁾; московские сторонники его и т. д.), всегда связывалась с отрицательным отношением к «подполью», с борьбой против существующей партии. Лозунг «широкая рабочая партия» всегда имел оборотной стороной пароль: «долой существующую партию», как будто бы сектантскую, «узкую» и т. п.

Это течение, в свою очередь, тоже питало нейтрализм. Да иначе и быть, конечно, не могло. Кто против существующей «узкой» партии апеллирует к созданию «широкой рабочей партии», тот, конечно, не станет добиваться установления связей между союзами и «узкой» партией. Напротив, тот всячески станет проповедывать нейтральность, независимость «широких» союзов от «узкой» партии.

Были отдельные сторонники «рабочего съезда», которые увлекались обратной крайностью. Так, С. И. Сомов⁽⁵⁾, отстаивая «ларинский» план образования «широкой» партии при помощи слияния кооперативов, союзов, партий и т. п., писал:

— «Следует немедленно установить правильное представительство местных и центральных профессиональных организаций в местных и центральных партийных учреждениях, — и наоборот... Ряд этих мер будет служить постоянному сближению обеих классовых организаций между собой и подготовит почву для их окончательного слияния в будущем в одну рабочую партию» *).

Взаимное представительство — прекрасная вещь. Ее практикуют с превосходными результатами, например, австрийцы. Но добиваться «окончательного слияния» союзов и партии «в одну рабочую партию» — значит бросаться в обратную крайность, граничащую с полу-синдикалистскими планами об «организационном монизме». Марксисты добиваются не этого. С.-д. партия (а не просто «рабочая» партия) и профессиональные союзы должны существовать самостоятельно, но между ними должна существовать теснейшая связь.

Полу-синдикалистское увлечение оппортуниста неудивительно. Так было, так будет с людьми, не стоящими прочно на почве марксизма. С. И. Сомов — только исключение, подтвердившее пра-

*) С. И. Сомов. «Профессиональные союзы и с.-д. партия», стр. 83, Спб.

вило. Он хотел поскорее растворить с.-д. партию в союзах и т. п. и образовать «одну рабочую партию». Другие его единомышленники хотели того же. Он надеялся, так сказать, задушить «узкую» партию в объятиях «широких» беспартийных организаций. Другие его единомышленники тоже все надежды возлагали на беспартийные организации, но отсюда выводили необходимость для этих организаций стоять в стороне от «подполья», осуществлять нейтральность.

Известный разброд в лагере сторонников «широкой рабочей партии» был неминуем. Но все это «течение» в целом уже одними нападками на «узкую» партию несомненно питало нейтрализм. Нейтралистская агитация стала давать себя знать там и сям. Как часто бывает на практике, местами нейтралистское усердие шло так далеко, что нейтралисты стали прямо восстанавливать союзы против партии. Партия должна была сказать свое слово, выступить со своим предостережением. Все это, вместе взятое, и подготовило лондонское решение.

IV. Лондонская резолюция.

В предыдущих статьях мы показали, как готовилось лондонское решение. Мы видели, что положение характеризовалось следующим: определенное крыло в рабочем движении начало проповедывать принципиальный нейтрализм в его чисто ревизионистском истолковании; начинавшаяся борьба будущих ликвидаторов осложняла положение; борьбу против марксистского «старого» стали переносить и в союзы; союзы, вскормленные и вскормленные марксистами, начали восстанавливать против них и для этой цели брали в подмогу «теорию» нейтрализма. При таких условиях марксисты молчать не могли. Стокгольмское решение становилось недостаточным. Надо было выступить против новой, определенно наметившейся, крайне вредной тенденции. Это можно было сделать в двух видах: в форме политической резолюции, резко осуждающей данную тенденцию, и в виде резолюции, намечающей в положительной форме, без полемики, точку зрения рабочей партии. В Лондоне (весною 1907 года) избран был второй путь.

Восстановим прежде всего в памяти читателя самый текст лондонского решения. В нашем изложении мы вообще стараемся привести основные документы, касающиеся трактуемого

вопроса о взаимоотношениях между политической партией и профессиональными союзами. Да к тому же лондонская резолюция, в свое время воспроизведенная всей буржуазной печатью, теперь могла кое-где и забыться.

Вот ее содержание:

— «Подтверждая резолюцию объединительного стокгольмского съезда о работе в профессиональных союзах, напоминает марксистам об одной из основных задач с.-д. работы в них: содействие признанию профессиональными союзами идейного руководства марксистов, а также установлению организационной связи с ними, и о необходимости там, где местные условия позволят, проводить эту задачу в жизнь».

Это решение было принято огромным большинством российских марксистов, при наличии наиболее полного представительства от широких кругов сознательных рабочих. Тем не менее, меньшинство объявило этому решению войну не на живот, а на смерть. И к меньшинству присоединилась некоторая часть тогдашних деятелей профессионального движения.

Главные доводы противников лондонского решения были таковы. Это решение будто бы означает разрыв с прежней практикой профессионального движения в России. Согласно этому решению теперь остается-де либо уничтожить нынешние союзы и создать вместо них чисто партийные профессиональные союзы, либо — «наклеить ярлык» на существующие союзы. И то и другое приведет к расколу профессионального движения. неизбежно создадутся обособленные параллельные союзы с.-д., народников, анархистов, беспартийных и т. д. Экономическая борьба рабочих затормозится. Вместо шага вперед получится-де громадный шаг назад.

Так рассуждали наши нейтралисты. И лондонское решение послужило для них еще новым поводом для усиленной травли против марксистов, будто бы желающих «опекать» союзы, не желающих им, якобы, давать никакой самостоятельности, желающих превратить союзы в механический привесок, накладывать на них вето, раздроблять рабочее движение и т. п.

Что же было верного в этих «доводах» нейтралистов?

Прежде всего — вопрос факта. Действительно ли марксисты решили резко изменить прежнюю линию работы в союзах?

Нет, ничего подобного лондонское решение на деле не означало.

В Польше и Северо-западном крае, действительно, существуют союзы чисто партийные. В социал-демократические союзы там входят только социал-демократы и сочувствующие им. В п. п. с-овские союзы — только п. п. с-ы. В бундовские — только бундовцы и сочувствующие им. В сионистские — сионисты, и т. д. В Польше, кроме того, существуют еще буржуазные и «христианские» союзы, в которые входят рабочие, находящиеся еще под влиянием буржуазии и реакционеров. Там, действительно, профессиональное движение расколото.

Мы не можем здесь входить в разбор тех условий, которые создали такое положение в Польше и Северо-западном крае. Оно объясняется в Польше, например, особенно обостренной классовой борьбой, с одной стороны, и главенствующей ролью национального вопроса — с другой. Во всяком случае, ясно одно: никакой «нейтральностью» в Польше не устранить того, что тысячи и десятки тысяч рабочих подчиняются еще реакционным влияниям национализма и клерикализма. Никакой «нейтрализм» не мог бы устранить здесь и раскола между польскими марксистами и польскими национал-социалистами из П. П. С. Здесь раскол проник в самую гущу рабочих. И оно исторически не могло быть иначе. По сути вещей здесь шел ведь исторической важности спор двух разных мировоззрений: социализма и буржуазно-радикального национализма.

Целого ряда этих условий в русском рабочем движении не было и нет. И толковать лондонское решение так, будто оно рекомендовало русскому профессиональному движению «польский» путь — значит извращать истину. То, что нужно, важно и неизбежно в современной русской Польше, может быть не нужно русскому профессиональному движению. Русских марксистов объединяет с польскими главное: марксистское содержание работы в профессиональных союзах. Но это не значит, что тут и там должны быть и одинаковые во всем организационные формы.

В статье, помещенной в официальном органе марксистов, проводивших лондонское решение, и служившей официальным толкованием принятого ими решения, автор этих строк в 1908 году писал:

— «Позицию российских марксистов изображали совершенно совпадающей с позицией польских и еврейских (бундовцев) в этом вопросе... В действительности дело обстояло далеко не так...

Резолюция отнюдь не предлагает отказаться от широких профессиональных союзов, куда входят и рабочие не-марксисты, она отнюдь не предлагает, вместо существующих ныне союзов, организовать сейчас чисто-партийные союзы, наподобие бундовских и польских. Недаром т. т. бундовцы и польские с.-д. в съездовской комиссии рассматривали свое присоединение к резолюции как уступку».

Одних литературных заявлений было бы, конечно, недостаточно, если бы им не соответствовала и вся практическая работа марксистов. А между тем, работа их на деле шла именно в том духе, который очерчен выше. Нигде ни один из сторонников резолюции не «наклеивал ярлыка» на союз, т.-е. не объявлял союз «партийным», пользовался случайным большинством. Нигде ни один сторонник этого решения не внес раскола в союз и не предложил вместо существующего союза создать «партийный». Нигде не был закрыт доступ в союз рабочим не-марксистам, а наоборот: энергично звали в союз всех рабочих без различия партий и религиозных воззрений. Нигде ни один сторонник этого решения, создавая новые союзы, не строил их по типу чисто партийных союзов и не закрывал ни перед кем дверей.

Мы много раз в печати открыто предлагали нашим противникам привести обратные факты. Пусть назовут нам хотя бы один заметный случай из русского рабочего движения, когда наши сторонники поступали так, как им приписывают «нейтраллисты». Мы утверждаем категорически, что никто и никогда не назовет. Ибо таких случаев не было. Марксистское решение не вызвало и тени раскола в профессиональном движении. Не раскалывая, а укрепляя профессиональное движение, оно, вместе с тем, достигло своей цели: работникам пролетарского дела правильно указан был путь, сторонникам оппортунистического нейтрализма, натравливавшим союзы на марксизм, создавшим из них особую враждебную державу, — дан был отпор. Движению указано было правильное русло. И лучшим подтверждением правильности лондонского решения было то, что в том же духе высказался в Штуттгарте весь рабочий Интернационал.

Штуттгартский международный конгресс происходил тоже в 1907 году (через несколько месяцев). Противники марксистского решения дотоле пробовали изображать нас какими-то

рыжими уродами. Они утверждали, что наша точка зрения не имеет никаких оснований во всем мировом рабочем движении, что лондонское решение представляет собой какой-то уникум. Этот спор блестяще решен был фактами. Штуттгартский конгресс резко и решительно отверг именно нейтрализм и подчеркнул необходимость самой тесной связи между с.-д. партией и профессиональными союзами. Оказалось, что именно лондонское решение правильно учло опыт международного рабочего движения и сделало из него практические выводы для России. Тогда русским теоретикам нейтрализма осталось, как мы увидим в следующей статье, одно: доказывать, что штуттгартская резолюция не про нас — де писана, а про страны более старого рабочего движения. Русскому нейтрализму, как и нейтрализму вообще, штуттгартским решением нанесен был смертельный удар.

Лондонское решение звало не к расколу рабочего движения, а к теснейшему объединению и сближению двух его главных форм. Намечались не организационные детали, а направление, тенденция. По какому пути пойдет наше молодое профессиональное движение: по пути ли нейтралистского обособления или теснейшего сближения с социал-демократией? Марксисты сказали: надо приложить все усилия к тому, чтобы оно пошло по старому пути. В этом смысл марксистского решения.

В духе единства профессионального движения работают сторонники этого решения и посейчас.

Марксистское решение сказала: зовем в союзы всех рабочих, без различия политических взглядов, строим союзы возможно более широкого состава. Но оно же сказала марксистам: вы должны не прославлять нейтрализм в профессиональных союзах, а длительной творческой работой внутри союзов доказать всем рабочим, что их союзы должны тесно связаться с рабочей партией. Но если те или другие рабочие «нейтральны» по отношению к социал-демократии, это не значит, что и я буду «нейтрален». Я скажу им: вы еще «нейтральны», вас жизнь еще не научила, что ваша партия — рабочая партия. Классовая борьба научит вас этому. А пока давайте работать вместе... Систематически, с соблюдением такта и постепенно надо работать в этом направлении, чтобы и у нас можно было сказать, как говорит Каутский: «союзы и партия едино суть».

Это — и только это — сказала лондонское ре-

шение. «Наклеивание ярлыков» есть злостное измышление, придуманное «нейтралистами» для отпугивания малосознательных людей от социал-демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ «Профессиональное движение в России» — статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатанная в № 20 и 31 газеты «Северная Правда», от 25 августа и 7 сентября, в № 16 газеты «Правда Труда», от 28 сентября, в № 17 и 52 газеты «За Правду», от 23 октября и 5 декабря 1913 г. В 1918 г. вошла в книгу «Рабочая партия и профессиональные союзы», изданную издательским отделом при Петроградском Совете Р. и С. Д.

²⁾ См. приложение 5-е.

³⁾ См. приложение 6-е.

⁴⁾ Ларин, Ю. (М. А. Лурье) — один из старейших с.-д.; в период первой революции — меньшевик; сторонник проекта созыва широкого рабочего съезда, идеи, выдвинутой П. Б. Аксельродом вскоре после поражения революции 1905 г. Позднее — один из руководителей ликвидаторов; участник августовской конференции ликвидаторов 1912 г. В 1913 г. был арестован в Тифлисе, но вскоре же освобожден. Во время войны проживал в Швеции, где, между прочим, выступал как сторонник «условной обороны», т.-е. обороны в случае демократизации всего государственного строя; позже его позиция по отношению к войне в основном близко приближалась к интернационализму Мартова. В 1915 г. — сотрудник «Нашего Дела» и «Нашего Слова». К началу февральской революции эволюционирует влево. По возвращении в Россию в 1917 г. вступает в межрайонную организацию объединенных с.-д., а в июле того же года, вместе с последней, вступает в ряды большевиков. Участник VI съезда Р. С.-Д. Р. П. В сентябре был выдвинут ЦК нашей партии как кандидат в Учредительное Собрание. Позднее много писал в «Правде» — статьи по экономическим вопросам.

⁵⁾ С. И. Соиов — псевдоним бундовца Пескина.